

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2018.4.1>

UDC 332.13
LBC Y049(2Рос)

Submitted: 12.10.2018
Accepted: 24.11.2018

SEMANTIC DEMARCATION OF SPATIAL AND ECONOMIC CATEGORY “PERIPHERY” FROM ADJACENT VERNAKULYARNY AND TYPOLOGICAL CONCEPTS

Mikhail Yu. Kazakov

North-Caucasian Federal University, Stavropol, Russian Federation

Abstract. Development of the theorist – methodological provisions at a research of problems of functioning of peripheral territories assumes the profound review of the accumulated knowledge of the chosen spatial and economic subject. Studying of problems of social and economic development of peripheral territories, development of methodology of their system diagnostics and the detailed profound screening of separate aspects of their relationship with the center carries practical value because of special attention to them from public authorities within formation national and, in the subsequent the regional, strategic documents containing provisions of spatial policy. In this regard development of a conceptual framework of spatial policy for various elements of economic space and also development of new scientific approaches to establishment of semantic contents and connotive features of use of key categories of spatial economy to which “periphery” belongs is especially relevant. The available scientific reserve on a research of semantic features of “peripheral territories” contains the essential mass of the concepts similar in intrinsic filling and contextual application. Requirements of targeting, detail and selectivity of spatial policy assume differentiation of all set of adjacent concepts for the purpose of decrease in inaccuracies at conceptual operating by a conceptual framework. As a research object by us it is considered semantic a component of spatial and economic category “periphery”. In a research we have defined set of categories of the vernakulyarny and typological plan, adjacent to her, semantic demarcation on the basis of definition of the common and the unique personalized features of the considered concepts is carried out. It has allowed to create a unique array of information on operational use of category “periphery” with a possibility of further creation of “frame” model of the studied concept. The “frame” model includes all semantic variety of adjacent categories that enriches the system of scientific knowledge of elements of economic space of the region. On the practical level the received results are directed to decrease in terminological contradictions when using the categorial device in researches and when developing strategic documents of spatial planning and development.

Key words: economic space, peripheral territories, regional economy, conceptual framework, semantic kernel, periphery concept.

Citation. Kazakov M. Yu. Semantic Demarcation of Spatial and Economic Category “Periphery” from Adjacent Vernakulyarny and Typological Concepts. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3, Ekonomika. Ekologiya* [Science Journal of Volgograd State University. Global Economic System], 2018, vol. 20, no. 4, pp. 6-14. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2018.4.1>

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕМАРКАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ «ПЕРИФЕРИЯ» ОТ СМЕЖНЫХ ВЕРНАКУЛЯРНЫХ И ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

Михаил Юрьевич Казаков

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация

Аннотация. Развитие теоретико-методологических положений при исследовании проблем функционирования периферийных территорий предполагает углубленный обзор накопленного знания по выбранной пространственно-экономической тематике. Изучение проблем социально-экономического развития периферийных территорий, выработка методологии их системной диагностики и детализированного углубленного скрининга отдельных аспектов их взаимоотношений с центром носит практическую ценность по причине особого внимания к ним со стороны органов государственной власти в рамках формирования национальных и, в последующем, региональных, стратегических документов, содержащих положения пространственной политики. В этой связи особенно актуальным является разработка понятийного аппарата пространственной политики в отношении различных элементов экономического пространства, а также разработка новых научных подходов к установлению семантического содержания и коннотативных особенностей применения ключевых категорий пространственной экономики, к которым относится «периферия». Имеющийся научный задел по исследованию семантических особенностей «периферийных территорий» содержит существенный массив понятий, схожих по сущностному наполнению и контекстному применению. Требования адресности, детальности и селективности пространственной политики предполагают разграничение всей совокупности смежных понятий с целью снижения неточностей при концептуальном оперировании понятийным аппаратом. В качестве объекта исследования нами рассмотрена семантическая компонента пространственно-экономической категории «периферия». В исследовании нами определена совокупность смежных с ней категорий вернакулярного и типологического плана, проведена семантическая демаркация на основе определения общих и уникальных персонализированных черт рассматриваемых понятий. Это позволило создать уникальный массив информации по операционному использованию категории «периферия» с возможностью дальнейшего построения «фреймовой» модели изучаемого концепта. «Фреймовая» модель включает все семантическое многообразие смежных категорий, что обогащает систему научного знания об элементах экономического пространства региона. В практическом плане полученные результаты направлены на снижение терминологических противоречий при использовании категориального аппарата в исследованиях и при разработке стратегических документов пространственного планирования и развития.

Ключевые слова: экономическое пространство, периферийные территории, региональная экономика, понятийный аппарат, семантическое ядро, концепт периферии.

Цитирование. Казаков М. Ю. Семантическая демаркация пространственно-экономической категории «периферия» от смежных вернакулярных и типологических понятий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3, Экономика. Экология. – 2018. – Т. 20, № 4. – С. 6–14. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2018.4.1>

Территория России, по точному определению Г. Иоффе, чрезвычайно «фрагментированное пространство... разрозненные зоны интенсивного использования в море социального застоя и упадка» [26, с. 35]. Авторы отмечают, что фактор обширности пространства, неравномерность локализации демографических ресурсов, слаборазвитая дорожная инфраструктура «усугубляют взаимную разобщенность между кластерами населения и

различие в развитии их самих». При этом городские территории данная группа исследователей видит «оазисами сельской бескрайности». Вне городских территорий остро чувствуется влияние «периферийности» и «ощущение пребывания в самой глуши» [23, с. 118].

Универсум периферии можно рассматривать с различных позиций. Первое – понятие «периферия» относится к универсальным категориальным формам в различных областях

знания. С позиций физической географии периферия – окраинная местность, ощутимо удаленная от центра страны, региона и т. п. В контексте группы медицинских наук понятие «периферия» применяют для описания латерально локализованных систем и органов организма. В семействе лингвистических наук периферия соотносится с областями, которые не охвачены каким-либо отдельным языком или языковой группой. Информационная коннотация периферии указывает на средства информационного обмена, не включенные в компьютерную архитектуру, а располагаемые на внешних устройствах. Культурная периферия – местности, не охваченные или слабо охваченные культурным развитием.

Изначальная принадлежность понятия «периферия» к родовым признакам, отражающим и характеризующим геометрическое пространство, как нельзя лучше объясняет удачность применения этого понятия в экономической географии, пространственной экономике и экономике регионов.

В контексте рассмотрения понятия «периферия» в экономике регионов, региональной и пространственной экономике отметим, что большинство авторов, работающих в данной предметной области, сходятся во мнении, что исследование периферии как обширной местности, противопоставляемой центру, следует вести с позиций нескольких подходов, комплексное использование которых позволяет провести ее делимитацию (определение).

Из последних исследований, содержащих, на наш взгляд, наиболее удачную систематизацию научных подходов к определению периферийных территорий, выделим попытку Е.Б. Дворядкиной, которая указывает, что в вопросе содержательной идентификации периферийных территорий можно выделить экономический, географический, экологический, социальный, культурный, политический, инновационный и исторический подходы [3, с. 64].

В русле *экономического* подхода исследуется центр-периферийная дифференциация экономической деятельности, параметральное отражение которой взаимоувязывается с причинно-следственными связями, детерминируемыми ее локализацией в соответствующей системе «центр – периферия».

Географический подход в качестве ключевого признака разграничения центра и периферии использует расстояние и физическую и транспортную удаленность от центра.

Экологический подход в качестве периферийных выделяет территории с неблагоприятным экологическим фоном. В этом плане, на наш взгляд, подобная центр-периферийная дифференциация является не совсем точной и удачной в топографическом и типологическом аспектах.

Социальный подход рассматривает периферийные территории через призму социального благополучия, отождествляя их с зонами с преобладанием деструктивно-разрушительных явлений и процессов социальной природы: криминализацией, маргинализацией, люмпенизацией и рядом аналогичных и смежных.

В свете *культурного* подхода периферийные территории выступают антагонистами авангардных территорий с богатым духовным, культурным, фольклорным наследием и нынешними традициями. В этом плане периферия в большей степени ассоциируется с резервациями, анклавами, сегрегирующими и «консервирующими» культурно-историческое наследие и традиции.

Основные идеи *политического* подхода в исследовании периферийных территорий сосредоточиваются на учете их «электоральной емкости», а также на включенности в политические процессы и процессы принятия административно-управленческих решений.

Инновационный подход использует при идентификации периферии возможности проникновения инновации в эти территории, их пространственно-экономическое сопротивление процессу «диффузии инноваций». В этом ключе периферийная территория характеризуется архаичным характером научно-технологической и технологической сферы.

Исторический подход позволяет определить место конкретной территории в системе центр – периферия в хронологических границах различных исторических этапов и отследить ее «траектории» в рамках центр-периферийного «дрейфа».

Плюрализм подходов при детальном исследовании периферийных территорий предполагает обоснованное сосредоточение при формировании методологической платформы

на достоинствах каждого из них. При этом, по нашему мнению, существует необходимость сочетания этих достоинств. Полагаем, что наиболее удачно отражает специфику, сущность и особенности взаимоотношения центра и периферии системный подход, предполагающий уточнение понятийного аппарата исследования.

Плюрализм подходов к конструированию понятийного аппарата периферийных территорий, наличие многообразия трактовок его сущностного содержания в работах исследователей обуславливают семантическую демаркацию понятия «периферия» от группы однородных определений. В этом плане мы придерживаемся той позиции, согласно которой смежный понятийный массив нужно рассматривать с позиций структуры научного концепта, в соответствии с которым выделяется ее три уровня:

- ядро концепта, как смысловое научное понятие;
- терминологическое отражение имени концепта;
- интерпретационное поле научного концепта [16, с. 82].

Смежными понятиями периферийных территорий являются следующие научные концепты: провинция, глубинка, окраина, маргинальные территории, депрессивные территории, слаборазвитые территории, анклав местных сообществ по типу индивидуальных резерваций и некоторые другие.

Рассмотрим сущностные отличия данных научных концептов от периферийных территорий и выделим в то же время общие семантические грани, которые образуют своеобразную «фреймовую модель» концепта «периферия». При этом фрейм – это форма ментального пространства, в поле которого существует совокупность ассоциированных форм [17, с. 151]. Поясняя данный тезис, в качестве примера приведем вернакулярный район, который выделяется населением территории по комплексу устоявшихся конституирующих признаков ретроспективно-культурного наследия [21, с. 6]. Вернакулярные территории не имеют официально оформленного легитимизированного статуса и существуют только в ментальном поле. Таким образом, общеконцептуальная фреймовая модель в большей степени сосредоточена на так называемой

ментальной периферии, ассоциированной со смежными научными концептами.

Следовательно, демаркационной линией, отделяющей изучаемый научный концепт «периферийная территория» от смежных понятий, будет являться вернакулярность терминологического употребления. В вернакулярном плане выделим следующие смежные смысловые понятия периферии.

1. Провинция. В свете общероссийского опроса населения (28–29 октября 2006 г., 100 населенных пунктов, 1 500 респондентов [25, с. 31]) выделено шесть критериально-идентифицированных групп мнений. Провинция – это территории «вдали от крупных городов» и «все, что дальше 150 км от крупного города». Экстремальными формами «столичного критерия» можно считать ответы «все, что вне Москвы и Санкт-Петербурга» и «Москва – столица, провинция – все остальное» – 15 % мнений. В свете урбанистического критерия «провинция – это все, что не город» – 32 %. Из этой доли 5 % используют территориально-урбанистический критерий («загород», «пригород» и т. д.). Ресурсно-инфраструктурные, трудовые и социально-культурные дефициты территории в свете ресурсного критерия позволили определить провинцию 25 % респондентов. Приверженцы «формального критерия» (14 %) определяют провинцию через статус населенного пункта («поселок», «средний и небольшой город», «малый город») [11, с. 59]. Остенсивные определения 12 % респондентов прямо указывали на конкретные населенные пункты (не крупнее областного центра). Остальные респонденты характеризовали (2 %) провинцию как место «со спокойной и размеренной жизнью».

Как отмечают А.Н. Ершов и Г.Р. Хамзина, «провинция неоднородна: города – центры регионов РФ, центры промышленности – полупровинция, малые городские поселения – провинция, а сельские и поселковые населенные пункты – сверхпровинция» [4, с. 251]. Налицо использование критерия «ранг – размер». Помимо этого провинцию от периферии отличает: «крепкая провинциальная общность людей, самоидентифицирующих себя с территорией проживания, а не со страной, регионом; территориальная изолированность и низкая скорость изменения институтов экономики;

наличие благоприятных предпосылок для развития стереотипности, конформизма населения и формирования вторичной функциональной неграмотности» [4, с. 252]. Таким образом, провинция при своем развитии опирается на собственные ресурсы и внутренние возможности, проявляя «самоопределение в качестве самостоятельного и относительно автономного пространства, имеющего собственную стратегию и политику развития» [5, с. 86]. Один из удачных, на наш взгляд, вариантов демаркации «периферии» от «провинции» представил В.Л. Каганский, отмечавший независимость провинции от центра, тогда как периферия зависима в системном и ресурсном плане от него. Элементы провинции «в большей степени скреплены друг с другом, нежели с надсистемными элементами (центром)» [7, с. 273]. Таким образом, отличия провинции и полупериферии состоят в обособленности, самодостаточности и самобытности первой при зависимости второй от центра. Деятельность периферии в большей степени ориентирована на центральные территории, они взаимокоординированы; провинция демонстрирует черты автаркичности в выборе своей траектории развития.

2. Окраина. Продукт эмоционально-оценочной составляющей мышления, характеризующийся заброшенностью, отсталостью территории. Исследователи феномена окраины отмечают, что она, в отличие от периферии, всегда удалена от центра [8, с. 37]. При этом, на наш взгляд, окраина по смыслу больше сопряжена с понятиями «приграничья», «пограничной территории». В концептуальное ядро «периферии» входит гораздо больше смысловых единиц, определяемых социальными, экономическими и прочими факторами, в то же время она может быть территориально близка к центру.

3. Маргинальная территория характеризуется изолированностью и включает признаки полного или частичного отсутствия связей с центральными территориями. С одной стороны, это территории с отсутствием транспортных, промышленных, торговых и других связей с центром, объясняемых топологически [6, с. 117], с другой, при определенных условиях, маргинальные территории могут рассматриваться как «территории творчества,

источник культурного развития и прогресса» [24, с. 28] или зоны для развития туристско-рекреационных систем или кластеров [11, с. 58], а значит, они обладают признаками территорий креативного типа. Маргинальные территории, по мнению А.И. Зырянова, «обладают потенциалом для развития, но в силу географического положения не способны найти силы для подъема». Он характеризует их комплексом признаков «едва обеспечивающие низший стандарт жизни», «проблемные местности», «противопоставляемый центральному, перспективному, развитому, доходному». Маргинальные локалитеты отстают в развитии от всего региона и имеют схожие черты с депрессивными территориями [5, с. 11]. Таким образом, социально-экономическая отсталость маргинальных территорий детерминирована в большинстве случаев статусом изолята, отсутствием взаимодействия с центром, внесистемным положением в системе «центр – периферия». Эти признаки отличают периферийные территории от маргинальных.

4. Глубинка характеризуется «удаленностью, постоянно убывающим населением» [1, с. 112], архаичной структурой хозяйства и социальной инфраструктуры, замедленностью процессов «имплантации и приживаемости» новых институтов, инертностью населения и инерционностью социально-экономического мышления. Российской глубинкой следует считать удаленные, труднодоступные населенные пункты, лишенные развитого производственного сектора, социальной инфраструктуры, выполняющие минимальные функции социально-экономического плана. Это могут быть также ареалы «дачной субурбанизации», зоны и места отходничества, «крайние точки зимней и летней миграции», пригородные зоны и другие формы [12, с. 58; 13, с. 72; 14, с. 13]. Таким образом, глубинка, как и периферия, в определенной степени взаимодействует с центром, но причины отсталости кроются не в «вымывании ресурсов» центром, а в архаичном типе механизма хозяйствования, ретроградности инфраструктуры и организации социальных взаимодействий. В этом плане данные черты глубинка «консервирует» в себе и они являются предметом особого ментального притяжения населения, выражающиеся в особом восприятии «дачной культуры», «со-

циальной уединенности», бытовой ретроградности и т. д. [9, с. 86]. И если периферия стремится «подтянуться» к полупериферии и затем к центру, то глубинка в своем развитии ориентируется на культивирование своих имманентных черт.

Кроме того, существует определенный «пласт» понятий, имеющих не вернакулярную, а типологическую природу концептуального характера.

5. Депрессивные территории характеризуются продолжительным экономическим кризисом, являющимся результатом длительного спада производства. Большинство авторов [20, с. 21], работающих в данном направлении, солидарны во мнении, что депрессивные территории в недавнем прошлом были развитыми, но, либо исчерпав ресурсы и возможности развития, либо не подкрепляясь федеральными и региональными трансфертами, утратили высокие темпы социально-экономического развития. Кроме того, депрессивные территории обладают такими признаками, как отсутствие условий и стимулов для развития, однородная (моноотраслевая) структура экономики, значительный длительный спад промышленного производства, душевых денежных доходов и увеличение уровня безработицы и социальной напряженности [10, с. 85]. Явным отличительным условием является синхронность наступления и действия данных явлений и процессов. Помимо критериальных рамок, территориальная депрессивность может связываться «особо крупной проблемой федерального масштаба, нерешенность которой создает угрозу социально-экономической обстановке» [19, с. 68]. В категорию депрессивных могут попасть территории центрального типа или полупериферии. Это, как правило, города и районные центры старопромышленных регионов, ресурсоизвлекающих провинций, моногорода или рабоче-промысловые населенные пункты. Периферийные территории могут и не обладать признаками депрессивности. При этом общими гранями депрессивных и периферийных территорий можно считать отрицательное сальдо миграции (депопуляцию), дотационность местного бюджета, деструктивные явления и процессы в сфере социальной, транспортной и производственной инфраструктуры,

что «переподчиняет» территорию условному новому центру.

6. Слаборазвитые территории, в отличие от депрессивных, упадок которых случился в относительно коротком временном отрезке, на протяжении длительного периода времени показывают схожие результаты социально-экономического развития, а критериальные признаки схожи с территориальной депрессивностью. В них низкая диверсификация экономики и промышленный потенциал, слаборазвитая инфраструктура являлись характерными чертами и не зависели от наступления кризиса в основной отрасли экономики. Слаборазвитые территории могут быть в несистемных отношениях с центром, ориентируясь в своем развитии на прилегающее или смежное экономическое пространство.

7. Анклав местных сообществ по типу индивидуальных резерваций является продуктом социального дистанцирования. Можно выделить два подтипа анклавов местных сообществ: социально-территориальный и социально-этнический. Первый представляет собой совокупность нескольких населенных пунктов с замкнутым изолированным типом социальных и экономических взаимосвязей, формирующимися в силу особого экономико-географического положения. При этом исследователи отмечают слабо выраженную или депрессивную экономическую активность в них, развитые элементы реципрокной экономики, порождающие их отсталость от других территорий [22, с. 129]. Таким образом, отличительным признаком, позволяющим отделить данное формирование от периферии, является автаркичность (закрытость) и ориентация на собственные интересы и приоритеты развития. Внутри подобного рода анклавов могут стихийно образовываться условные «центры» и подчиненная локальная «периферия», не выходящие за границы анклава.

Социально-этнический подтип анклава местных сообществ базируется, помимо закрытости и архаичности механизмов хозяйствования, на «очевидной этнической самоидентификации» [2, с. 472], зачастую являющейся причиной исключения или самоисключения данной территориальной группы из территориальных систем более высокого порядка. В качестве дополнительных факторов

«выключения» социально-этнических анклавов можно отметить социальное, культурное, ментальное, религиозное или культовое сознательное дистанцирование. Отличия от периферийных территорий очевидны и состоят в сознательном удалении от центра на основе самоизоляции и дистанцирования, разрыве большинства связей и механизмов взаимодействия. В то же время сами анклавы могут быть в территориальном аспекте близки с центральными территориями.

Кроме приведенных выше, можно отметить малоупотребляемые смежные определения: «неперспективные деревни» [15, с. 115], слабозаселенные территории, малоосвоенные территории, запредельная территория, экстремально удаленная, труднодоступная территория. Они имеют ограниченную сферу применения или употреблялись на отрезке определенного времени в развитии страны [18, с. 63].

Завершая исследование, посвященное раскрытию сущностно-отличительных аспектов пространственно-экономической категории «периферия» от ряда смежных, отметим, что нами в русле использования системного подхода к теоретическому рассмотрению дихотомии «центр – периферия»:

- проведена смысловая демаркация понятия «периферия» от группы смежных, что позволяет исключить терминологические противоречия и нестыковки в категориальном аппарате;

- сформирован массив семантического отражения объективной территориальной реальности в системе «центр – периферия» для дальнейшей реализации процедуры дифинитивирования понятия «периферия» и синтезирования комплекса определений, отражающих различные аспекты его применения в научном, вернакулярном и семантическом плане с позиций семантической логики.

Это требует проведения дальнейших исследований, определяя предметную сферу научной рефлексии автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверкиева, К. В. Дачная «колонизация» российской глубинки. Пример Костромской области / К. В. Аверкиева, Т. Г. Нефедова // Мир России: социология, этнология. – 2016. – № 1. – С. 103–128.

2. Бреславский, А. С. Отверженные и равнодушные: дискурсивное производство дистанций в сельском сообществе / А. С. Бреславский // Журнал исследований социальной политики. – 2008. – № 4. – С. 457–482.

3. Дворядкина, Е. Б. Региональная периферия: место в пространстве : монография / Е. Б. Дворядкина, Е. И. Кайбичева. – Екатеринбург : Изд-во УрГЭУ, 2017. – 155 с.

4. Ершов, А. Н. Российская провинция как социальное пространство институциональных изменений / А. Н. Ершов, Г. Р. Хамзина // Регионоведение. – 2004. – № 2 (47). – С. 249–257.

5. Зырянов, А. И. Маргинальные территории / А. И. Зырянов // Географический вестник. – 2008. – № 2. – С. 9–20.

6. Зырянов, А. И. Регион: пространственные отношения природы и общества / А. И. Зырянов. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2006. – 372 с.

7. Каганский, В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство / В. Л. Каганский. – М. : Новое литературное обозрение, 2001. – 576 с.

8. Кайбичева, Е. И. Периферия и сопряженные с ней понятия / Е. И. Кайбичева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2016. – № 1. – С. 36–39.

9. Клевакин, А. Н. Урбанизация Сибири / А. Н. Клевакин // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2010. – № 7 (47). – С. 85–89.

10. Лексин, В. Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития / В. Н. Лексин, М. Шевцов. – М., 2002. – 154 с.

11. Леонов, С. Н. Типология проблемных регионов на основе оценки межрегиональных социально-экономических и финансовых различий / С. Н. Леонов // Известия РАН. Серия географическая. – 2005. – № 2. – С. 58–76.

12. Луговской, А. М. Оценка потенциала маргинальных территорий при формировании кластерной структуры туристско-рекреационных систем / А. М. Луговской, Е. Л. Плисецкий, Л. А. Луговская // Экономика. Налоги. Право. – 2015. – № 6. – С. 55–61.

13. Нефедова, Т. Г. Теория «дифференцированной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI века / Т. Г. Нефедова, А. И. Трейвиш // Проблемы урбанизации на рубеже веков. – Смоленск : Ойкумена, 2002. – С. 71–86.

14. Нефедова, Т. Г. Российские дачи в разном масштабе пространства и времени / Т. Г. Нефедова // Демоскоп WEEKLY. – 2015. – № 657–658. – С. 1–20.

15. Никитаева, Е. Б. Политика ликвидации «неперспективных» сел и деревень в 1960–1970 гг. и ее

последствия для центральной России / Е. Б. Никитаева // Вестник Московского государственного областного университета. – 2012. – № 5. – С. 115–117.

16. Огдонова, Ц. Ц. Лингвокогнитивный аспект интерпретации научного концепта / Ц. Ц. Огдонова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 49. – С. 81–85.

17. Раренко, М. Б. Лингвистика текста и теория ментальных пространств / М. Б. Раренко // Парадигмы научного знания в современной лингвистике : сб. науч. тр. – М. : ИНИОН РАН, 2006. – С. 149–164.

18. Родоман, Б. Б. Поляризация ландшафта как средство сохранения биосферы и рекреационных ресурсов / Б. Б. Родоман // Ресурсы, среда, расселение. – М. : Наука, 1974. – С. 150–162.

19. Сафиуллин, Р. Г. Экономико-географические подходы к исследованию депрессивных территорий / Р. Г. Сафиуллин, А. Б. Сулейманова // Вестник Башкирского университета. – 2006. – № 4. – С. 67–69.

20. Селиверстов, В. Е. Методологические основы разработки федеральной программы помощи депрессивным и отсталым регионам / В. Е. Селиверстов, М. К. Бандман, С. С. Гузнер // Регион: экономика и социология. – 1996. – № 1. – С. 3–43.

21. Трофимов, А. М. Территориальная идентификация в географии и вернакулярные районы / А. М. Трофимов, М. Д. Шарыгин, Н. Н. Исмагилов // Географический вестник. – 2008. – № 1 (7). – С. 5–12.

22. Урманов, Д. В. Локальные территории в пространственном развитии системы «центр – периферия» региона / Д. В. Урманов // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 339. – С. 127–130.

23. Хилл, Ф. Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России / Ф. Хилл, К. Гэдди. – М. : Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. – 328 с.

24. Шахалова, О. И. Маргинальные территории как территории творчества / О. И. Шахалова // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2006. – № 6. – С. 26–29.

25. Шмерлина, И. Что такое провинция? / И. Шмерлина // Социальная реальность. – 2007. – № 3. – С. 30–32.

26. Ioffe, G. Russia's Fragmented Space / G. Ioffe // Fragmented Space in the Russian Federation / Blair Ruble, Jodi Koehn and Nancy Popson (eds.). – Johns Hopkins University Press, 2001. – P. 32–77.

REFERENCES

1. Averkieva K.V., Nefedova T.G. Dachnaya «kolonizatsiya» rossiyskoy glubinki. Primer Kostromskoy oblasti [Country “colonization” of the Russian remote place. Example of the Kostroma region]. *Mir Rossii:*

sociologiya, etnologiya [World of Russia: sociology, Ethnology], 2016, no. 1, pp. 103-128.

2. Breslavskiy A.S. Otverzhennyye i ravnodushnyye: diskursivnoye proizvodstvo distantsiy v selskom soobshchestve [Outcast and indifferent: diskursivny production of distances in rural community]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The journal of social policy studies], 2008, no. 4, pp. 457-482.

3. Dvoryadkina E.B., Kaybicheva E.I. *Regionalnaya periferiya: mesto v prostranstve: monografiya* [Regional periphery: the place in space]. Ekaterinburg, 2017. 155 p.

4. Ershov A.N., Hamzina G.R. Rossiyskaya provintsiya kak socialnoye prostranstvo institutsionalnykh izmeneniy [Russian province as social space of institutional changes]. *Regionologiya* [Regionology], 2004, no. 2 (47), pp. 249-257.

5. Zyryanov A.I. Marginalnyye territorii [Marginal territories]. *Geograficheskiy vestnik* [Geographical bulletin], 2008, no. 2, pp. 9-20.

6. Zyryanov A.I. *Region: prostranstvennyye otnosheniya prirody i obshchestva* [Region: spatial relations of the nature and society]. Perm, Permskiy universitet Publ., 2006. 372 p.

7. Kaganskiy V.L. *Kulturnyy landshaft i sovetskoye obitayemoye prostranstvo* [Cultural landscape and Soviet manned space]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001. 576 p.

8. Kaybicheva E.I. Periferiya i sopryazhennyye s ney ponyatiya [The periphery and concepts interfaced to it]. *Sovremennaya nauka: aktualnyye problemy teorii i praktiki* [Modern Science: actual problems of theory and practice], 2016, no. 1, pp. 36-39.

9. Klevakin A.N. Urbanizatsiya Sibiri [Urbanization of Siberia]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Proceedings of Irkutsk State Technical University], 2010, no. 7 (47), pp. 85-89.

10. Leksin V.N., Shevtsov M. *Gosudarstvo i regiony. Teoriya i praktika gosudarstvennogo regulirovaniya territorialnogo razvitiya* [State and regions. Theory and practice of state regulation of territorial development]. Moscow, 2002. 154 p.

11. Leonov S.N. Tipologiya problemnykh regionov na osnove otsenki mezhhregionalnykh sotsialno-ekonomicheskikh i finansovykh razlichiy [Typology of problem regions on the basis of assessment of interregional social and economic and financial distinctions]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Izvestiya RAN (Akad. Nauk SSSR). Seriya Geograficheskaya], 2005, no. 2, pp. 58-76.

12. Lugovskoy A.M., Pliseckiy E.L., Lugovskaya L.A. Otsenka potentsiala marginalnykh territoriy pri formirovaniy klasternoy struktury turistsko-rekreatsionnykh sistem [Assessment of the

capacity of marginal territories when forming cluster structure of tourist and recreational systems]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxes. Right], 2015, no. 6, pp. 55-61.

13. Nefedova T.G., Treyvish A.I. Teoriya «differentsirovannoy urbanizatsii» i iyerarkhiya gorodov v Rossii na rubezhe XXI veka [The theory of “the differentiated urbanization” and hierarchy of the cities in Russia at a turn of the 21st century]. *Problemy urbanizatsii na rubezhe vekov* [Problem of an urbanization at the turn of the century]. Smolensk, Oykumena Publ., 2002, pp. 71-86.

14. Nefedova T.G. Rossiyskiye dachi v raznom mashtabe prostranstva i vremeni [The Russian dachas in the different scale of space and time]. *Demoskop WEEKLY* [Demoscope of WEEKLY], 2015, no. 657-658, pp. 1-20.

15. Nikitayeva E.B. Politika likvidatsii «neperspektivnykh» sel i dereven v 1960–1970 gg. i eye posledstviya dlya tsentralnoy Rossii [Policy of elimination of “unpromising” villages and villages in 1960-1970 and her consequences for the central Russia]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow Region State University], 2012, no. 5. pp. 115-117.

16. Ogdonova Ts.Ts. Lingvokognitivnyy aspekt interpretatsii nauchnogo kontsepta [Linguo-cognitive aspect of interpretation of a scientific concept]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2010, no. 49, pp. 81-85.

17. Rarenko M.B. Lingvistika teksta i teoriya mentalnykh prostranstv [Lingvistik of the text and the theory of mental spaces]. *Paradigmy nauchnogo znaniya v sovremennoy lingvistike: sb. nauch. tr.* [Paradigms of scientific knowledge in modern linguistics]. Moscow, INION RAN, 2006, pp. 149-164.

18. Rodoman B.B. Polyarizatsiya landshafta kak sredstvo sokhraneniya biosfery i rekreatsionnykh resursov [Polarization of a landscape as means of preservation of the biosphere and recreational resources]. *Resursy, sreda, rasseleniye* [Resources, Wednesday, resettlement]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 150-162.

19. Safiullin R.G., Suleymanova A.B. Ekonomiko-geograficheskiye podkhody k issledovaniyu depressivnykh territoriy [Economical and geographical approaches to a research of depressive territories]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 2006, no. 4, pp. 67-69.

20. Seliverstov V.E., Bandman M.K., Guzner S.S. Metodologicheskiye osnovy razrabotki federalnoy programmy pomoshchi depressivnym i otstalym regionam [Methodological bases of development of the federal aid program to depressive and backward regions]. *Region: ehkonomika i sociologiya* [Region: Economics and Sociology], 1996, no. 1, pp. 3-43.

21. Trofimov A.M., Sharygin M.D., Ismagilov N.N. Territorialnaya identifikatsiya v geografii i vernakulyarnyye rayony [Territorial identification in geography and vernacular areas]. *Geograficheskiy vestnik* [Geographical bulletin], 2008, no. 1 (7), pp. 5-12.

22. Urmanov D.V. Lokalnyye territorii v prostranstvennom razvitii sistemy «tsentr – periferiya» regiona [Local territories in spatial development of the center periphery system of the region]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk state university], 2010, no. 339, pp. 127-130.

23. Hill F., Gehddi K. *Sibirskoye bremya. Proschety sovetskogo planirovaniya i budushcheye Rossii* [Siberian burden. Miscalculations of the Soviet planning and future Russia]. Moscow, A scientific and educational forum on the international relations, 2007. 328 p.

24. Shahalova O.I. Marginalnyye territorii kak territorii tvorchestva [Marginal territories as territories of creativity]. *Gumanitarnyye i sotsialno-ekonomicheskiye nauki* [Humane, Social and Economic Sciences], 2006, no. 6, pp. 26-29.

25. Shmerlina I. Chto takoye provintsiya? [What is the province?]. *Sotsialnaya realnost* [Social reality], 2007, no. 3, pp. 30-32.

26. Ioffe G. Russia’s Fragmented Space. *Fragmented Space in the Russian Federation*. Johns Hopkins University Press, 2001, pp. 32-77.

Information about the Author

Mikhail Yu. Kazakov, Candidate of Economic Sciences, Doctoral Candidate of Department of Economy and Foreign Economic Activity, North-Caucasian Federal University, Pushkina St., 1, 355009 Stavropol, Russian Federation, Lyasay21@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0297-6299>

Информация об авторе

Михаил Юрьевич Казаков, кандидат экономических наук, докторант кафедры экономики и внешнеэкономической деятельности, Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, 355009 г. Ставрополь, Российская Федерация, Lyasay21@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0297-6299>